

ЧАРЛЬЗ АЛЕКСАНДР ИСТМЕН

СТАРИННЫЕ
ИНДЕЙСКИЕ РАССКАЗЫ

Чарльз Александр Истмен Старинные индейские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6649684

Аннотация

Чарльз Александр Истмен – один из первых индейских писателей, также известен под именем Охайеза, что значит «Победитель». Он стал автором нескольких наиболее ранних и наиболее достоверных книг о жизни и быте американских индейцев.

Книга «Старинные индейские рассказы» до сегодняшнего дня остается одной из лучших произведений по глубине знания жизни американских индейцев. Автор, будучи коренным индейцем, сумел передать своим читателям глубокие чувства любви к своему удивительному и самобытному народу.

Содержание

ЛЮБОВЬ ТАТОКАЛЫ	4
БЕЗУМНЫЙ ПОСТУПОК БЕЛОГОЛОВОГО ОРЛА	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

ЧАРЛЬЗ АЛЕКСАНДР ИСТМЕН. СТАРИННЫЕ ИНДЕЙСКИЕ РАССКАЗЫ

ЛЮБОВЬ ТАТОКАЛЫ

У крутого обрыва, на самой вершине Орлиной Скалы, стоял одиноко и неподвижно, как орёл, какой-то человек. Люди из лагеря заметили его, но никто не наблюдал за ним. Все со страхом отворачивали глаза, так как скала, возвышавшаяся над равниной, была головокружительной высоты. Неподвижно, как привидение, стоял молодой воин, а над ним клубились тучи.

Это был *Татокала* – Антилопа. Он постился (голодал и молился) и ждал знака Великой Тайны. Это был первый шаг на жизненном пути молодого честолюбивого Лакота, жаждавшего военных подвигов и славы.

Татокала-юноша пользовался уважением среди Лакотов. Он охотился для своего племени, а не из личной корысти. У костра его голос звучал тихо и скромно, но он был ужасен в пылу битвы. Вот что говорили про Татокалу. И чем дольше раздумывал он в одиночестве о Великой Тайне, тем мягче и скромнее он становился, но тем сильнее росли его отвага и мужество. Татокала считался безукоризненным сыном и охотником: ведь он уже выдержал серьёзное испытание – уложил бизона двумя стрелами.

Спустя несколько недель, утром, в разгаре лета, когда почти все обитатели палаток сидели на открытом воздухе и подкреплялись пищей, раздался зычный голос глашатая, далеко разносившийся по поросшим елями высотам и зелёным долинам:

– Слушайте! Слушайте, о воины! – громко кричал он. – Совет постановил, что четверо храбрых юношей должны пойти в дозор на запад от лагеря для обеспечения защиты нашего племени.

Все напряженно выжидали имен выбранных воинов, и снова раздался голос:

– Татокала, Татокала, выбор пал на тебя!..

Четыре выбранных юноши вскоре подошли к костру старейшин. Они поклялись исполнить свой долг и сделали с благоговением несколько затяжек из трубки, а предводитель совета, старый, всеми почитаемый вождь, сказал им, в чём будет заключаться их задача.

Отряд воинов проводил их. Мужчины пели, согласно старому обычаю, песню храброго сердца, после чего четверо разведчиков неслышно исчезли в лесу.

Задача, возложенная на разведчиков, была весьма тяжела и опасна. Им пришлось действовать во вражеской области, и у подножия гор, которые назывались Большой Рог, враги то и дело отрезали им путь.

Часа два или три Татокала быстро бежал; однако для того, чтобы добраться до вершины горы, маячившей в далёкой синей дымке, ему предстояло преодолеть несколько довольно глубоких ущелий и пересечь долину по трудному каменистому пути.

«Надо подняться на вершину горы Медвежьего Сердца, – сказал про себя Татокала. – Если я заберусь туда и потом вернусь с донесением в лагерь, это будет уже подвиг».

Смело оглядел он раскинувшуюся перед ним местность. Вдруг он застыл на месте, бесшумно склонился и стал пристально разглядывать какой-то двигавшийся предмет. Он заметил, что за ним наблюдали из укромного места: враг обнаружил его присутствие! Припав к земле, он стал сползать в небольшое ущелье. У русла речки на него выскочил большой серый волк.

Это было очень кстати. Он испустил крик, издаваемый серыми волками в минуту смертельной опасности, выждал несколько секунд, повторил крик снова и затем бросился бежать вдоль по реке.

– Вот он! Вот он! – шептали враги, натянув луки.

Волк легкой рысцей приближался к ним. Когда животное показалось на открытом месте, они увидели, что это был только волк – *одже* – только волк!

– *Уэх*, – заворчали Юты, смущённо поглядывая друг на друга.

– Да нет же! Это был человек! – воскликнул предводитель Ютов. – Ведь перед тем, как послать разведчиков к Лакотам, мы молились богу войны и просили его, чтоб он помог нам отыскать их лагерь. Нет, тут какая-то тайна, тут волшебство! Это был или заколдованный Лакот, или же мы не знаем всех их уловок!

С громким боевым криком пустили они стрелы. Волк взвыл зашатался и пал мёртвым. Юты подбежали к нему, рассмотрели и убедились, что это был настоящий волк.

– Или это великий знахарь, или же воин-Лакот обманул нас, – сказали Юты.

Благодаря этому эпизоду с волком, они довольно долго не замечали Татокалу, который бежал вдоль реки и вскоре выбежал на широкую равнину. Для него было бы безопаснее спрятаться где-нибудь до наступления темноты, но к этому времени Юты добрались бы уже до лагеря Лакотов, а последние были не подготовлены к встрече врага. Татокале пришлось показаться врагам. Теперь надо было бежать взапуски. Татокала, правда, был выдающимся бегуном, но зато у Ютов были кони.

– Смерть Лакоту, который так обманул нас! – воскликнул их вождь. – Вперёд, друзья, не допустим, чтобы он рассказывал об этой шутке своим у костра!

Татокала бежал прямо к Орлиной Скале, с чьей вершины ясно можно было видеть лагерь. Он бежал быстро уже целый день, но это было ничто в сравнении с тем, как он нёсся теперь!

«Я первым взберусь наверх, если только у лошадей Ютов нет крыльев», – подумал он.

Оглянувшись, Татокала увидел пять всадников. Он внимательно осмотрел свой лук и стрелы.

– Всё в порядке, – пробормотал он.

Татокала расслышал крики врагов, но он был уже у подножия скалы. Лошади Ютов не могли взбираться по крутому склону, и всадникам пришлось спешиться. Как дикий зверёк, Лакот перепрыгивал со скалы на скалу, а преследователи с воем и криком уже нагоняли его почти до расстояния выстрела. Но Лакот успел добраться до вершины. Там он укрылся между двумя большими валунами и начал с помощью маленького зеркала посылать сигналы в свой лагерь, раскинувшийся внизу в долине. Долгое время его сигналы оставались незамеченными, а Юты всё приближались и приближались, и много стрел пролетало над его головой. Иногда Татокала отвечал на выстрелы, желая показать, что Юты имели дело не с ребёнком или старой бабой, а с воином, храбрым, как медведь, которого загнали в тупик охотники.

Как только Юты увидели Татокалу, они тут же послали вестника к своим соплеменникам за подкреплением. Но Татокала не знал этого, и был по-прежнему твёрд и силен духом. Время от времени он посылал сигналы в свой лагерь. Наконец, в ответ показался слабый белый свет.

Когда солнце стало клониться к западу, воин, теснимый врагами, увидел, что с северо-запада приближается большая партия всадников. Это были Юты! Татокала зорко вглядывался в лагерь Лакотов: что-то двигалось по равнине, приближаясь к подножию горы.

Его тревожный сигнал был замечен в лагере после обеда. Лакоты заволновались, поскольку ещё лишь несколько мужчин возвратилось с обычной охоты. Но к вечеру воины стали собираться в лагерь. Они не мешкая оседлали лучших лошадей и, крича и распевая песни, понеслись навстречу противнику. Подъехав к знакомым скалам, они заметили врагов,

притаившихся в большом числе за большими камнями и разбросанными в разных местах кедрами.

Татокала давно уже израсходовал весь свой запас стрел и теперь собирал вражеские, чтобы пускать их в своих преследователей. Улучив момент, когда их внимание было на миг отвлечено внезапным приближением Лакотов, он выскочил из своей засады. В благодарность за спасение, он воздел руки к небу, а друзья восторженными криками восхваляли его отважный поступок.

Оба племени храбро сражались. Но, в конце концов, Ютам пришлось отступить. Лакоты яростно преследовали их. Татокала, гордо выпрямившись, стоял на скале, защищавшей его от врагов, и громко кричал и выл от радости. Его друзья тоже радостно восклицали, и эхо разносило далеко между скал победные крики во славу бесстрашного героя.

В лагере Лакотов, у Потерянной Воды, справлялось празднование победы. Лакоты ликовали, пели, танцевали, но к радостным крикам иногда примешивались жалобные стоны и плач, ибо не один воин упал мёртвым между скалами. Теперь имя Татокалы было неразрывно связано с Орлиной Скалой.

– Теперь он имеет право носить убор из орлиных перьев, – сказал один юноша. – Но он очень скромнен и не принимает участия в танцах со скальпами. Мне кажется, что он ещё ни разу не заговорил ни с одной девушкой.

– Да, что-то не слышать, чтобы он искал расположения какой-нибудь девушки, – заметил другой юноша. – А чего бы только не дали иные родители за то, чтобы он обратил внимание на их дочь! Но он хочет до женитьбы совершить ещё несколько военных походов.

Вижи – Жёлтое Солнце – старый отец Татокалы, принимал всё время после обеда посетителей, поздравлявших его с храбрым сыном. Много стариков пришло к нему в палатку выкурить с ним трубку. Хозяин был глубоко счастлив: как человек простой и мало кому известный, он до сих пор не испытывал, что значит пользоваться общим вниманием и любовью.

Наутро вся молодежь лагеря двинулась в одном направлении. Все были одеты в лучшие одежды, и даже юркие лошади были богато разукрашены, чтобы удовлетворить эстетическое чувство ехавших на них юных воинов.

– *Уех! Талута* – Красная Лань – устраивает праздник девушек. Она самая красивая из всех девушек Хункпапов! – воскликнул кто-то.

Талута была действительно прелестной девушкой. Она участвовала уже в пяти девичниках, и соплеменники относились к ней с большим уважением за её скромность и целомудрие.

Круг девушек сомкнулся. Круг пожилых женщин, стоявших за ними, был почти столь же живописен, но женщины держали себя, разумеется, с большим достоинством. Естественными покровительницами юных девушек считались не матери, а бабушки, и им воздавалось за это много чести, в особенности на каких-либо общественных торжествах. Старая Вишави выказывала большое беспокойство, так как Красное Солнце, её питомица, несколько легкомысленная девушка, имела много поклонников. Старушка то и дело одёргивала платье и поправляла ожерелье, – она боялась, как бы не вышло с её внучкой чего-нибудь неприятного. Да и некоторые из других старушек болели душой за своих питомиц.

Лагерная стража поддерживала образцовый порядок. Стражники были очень пестро раскрашены и украшены орлиными перьями. В руках они держали длинные прутья. Головы их коней были покрыты шкурами диких животных, что придавало лошадям ужасный вид. Разодетые и разукрашенные юноши образовывали внешний круг собрания. Некоторые, не желая быть узанными, натянули одеяла на головы и нерешительно толпились в стороне. Среди них был и Татокала со своим двоюродным братом, Красным Орлом.

– *Ууу! Ууу!* – раздался далеко разнёсшийся в воздухе крик стражника, возвестивший о начале празднества. Согласно обычаю, посреди кольца, образуемого девушками, ставили конусообразный красный камень, окружённый воткнутыми в землю стрелами. На этот раз, в землю было воткнуто пять стрел в знак того, что Талута дала уже пять девичьих праздников. Каждая девушка должна была рукой коснуться камня в знак своего благонаравия и добродетели, а затем притронуться до стольких стрел, сколько она сама устроила праздников девушек.

Первой вышла Талута. Когда она стояла у священного камня, она казалась присутствующим воплощением грации и скромности. Одежда её была украшена по швам длинной бахромой и вышивкой из синего и белого бисера, спускавшейся с плеч и груди почти до пояса. Блестящие чёрные волосы были заплетены в две косы, свешивавшиеся на грудь. Она произнесла клятву девушки. Во всех её движениях сквозили прирождённое достоинство и благородство. За ней к камню стали подходить другие девушки.

По окончании праздника, Татокала и его двоюродный брат ушли последними. Татокала следил за каждым движением Талуты и ушёл домой после того, как она скрылась из виду.

По обычаю нашего племени юноша мог сам представиться молодой девушке, или сестра юноши могла представить брата своей подруге. У Татокалы не было сестры, которая могла бы помочь ему в этом деле, да если бы и была, он никогда не обратился бы к ней за помощью. Он не чувствовал под собой твёрдой почвы в этом новом для него деле, и поэтому ни за что на свете не выдал бы никому своей тайны. Вот, если бы надо было выследить дичь или Оджибвея – о, он рассмеялся бы при мысли, что это может ему не удалиться.

На другой день Татокала встал очень рано и тщательно принарядился. Он надел свою лучшую кожаную рубашку и красивый бизоний плащ, перебрал вышитый колчан через плечо и отправился в лес... Куда? – он и сам не знал.

«Что делать?» – думал он. Его отец был простого происхождения, а он сам, как скромный человек, был не очень высокого мнения о своих подвигах. Подумав, он решил отправиться в какой-нибудь большой поход, чтобы забыть Талуту.

Вдруг прозвенел весёлый девичий смех. Самообладание сразу покинуло Татокалу. Он стоял в недоумении и смотрел, куда бы ему скрыться. Девушки не знали, что вблизи кто-то есть, и весело болтали и смеялись. Подруга Талуты остановилась у кустов малины, а сама Талута отправилась дальше. Выйдя на лужайку, она вдруг увидела перед собой Татокалу в праздничной одежде. Девушка скромно потупила взор.

К счастью, обычай Лакотов разрешает юношам, делающим предложение девушке, набрасывать одеяло на голову. И Татокала, закрыв лицо одеялом, дрожащими руками сделал знак девушке. Краснокожий просто и без всякой церемоний приступает к делу. Пылкие слова любви полились с уст юного воина.

– Духи ведут меня по пути к счастью. Быть может, тебе покажется странным, что я здесь, случайно встретив тебя, говорю о моей любви. С тех пор, как я увидел тебя на празднике девушек, я много думал о тебе. Хочет ли Талута стать женой Татокалы? Мокасины, которые она ему сошьёт, принесут ему счастье в преследовании дичи и врага. Подумай над моим предложением, и прошу тебя, девушка, пусть о нашей встрече пока не знает никто, кроме птичек в небе.

Талута слушала Татокалу, скромно стоя рядом и не говоря ни слова. Её платье из оленьей кожи, богато украшенное бахромой, красиво ниспадало с её фигуры, напоминая длинные свешивающиеся листья ивы, а обе её чёрные косы были переплетены нанизанными на шнурки копытцами диких животных и раковинами. Лёгкий румянец оживлял её смуглую кожу, чёрные глаза смотрели спокойно и мягко, но в них горел пылкий блеск.

– Ты же не требуешь сейчас от меня ответа, – мягко, не глядя на юношу, сказала девушка. – Твои речи поразили меня. Я не думала, что встречу здесь кого-нибудь. Твою

последнюю просьбу я исполню. Только птички могут разболтать о нашей встрече, если только моя двоюродная сестра, которая стоит неподалёку в кустах, не видела, как мы с тобой говорили.

Она легко вспрыгнула на свою лошадку и исчезла между разбросанными по равнине кедрами.

Между первой и второй встречей молодых людей прошёл целый месяц. В этом был виноват только Татокала. Он ходил с мрачными думами и не отваживался на решительный шаг. Временами, он жалел, что сделал так порывисто своё предложение. И вот, надеясь развеять свою тоску в походах и битвах, он заявил вождю *Кангипе* – Вороньей Голове – что хочет отправиться с ним в поход в страну Ютов.

По древнему обычаю Лакотов, юные воины до выступления в поход постились, молились, проходили очищение в парильне и просили совета духов.

Наступил последний вечер. Татокала поднялся на холм за лагерем, чтобы там помолиться. Вдруг в полумраке он увидел Талуту, которая вела свою лошадку по узкому ущелью. Никогда не казалась она ему краше, чем в эту минуту!

– *Хо!* – поздоровался он с ней.

В ответ, она робко засмеялась.

– Как долго мы с тобой не виделись, – сказал Татокала.

– Тебя, должно быть, нисколько не интересовал мой ответ, – ответила девушка.

– Не могу ничего привести в своё оправдание, – мягко проговорил Татокала, – но я надеюсь на твоё великодушие. Я долго страдал, и ты поймёшь, почему я избегал тебя. Я готовился к бою. На рассвете мы трогаемся в поход против Ютов. Вот уже десять дней, как я ежедневно бываю в парильне, и пощусь десять ночей.

Талута прекрасно знала, что в таких случаях воин не имеет права приближаться не только к чужим женщинам, но даже и к собственной жене.

– Умоляю тебя, стань моей женой! – сказал Татокала. – Можешь ли ты теперь дать мне ответ?

– Ответ я тебе передала через твою бабушку, – нежным голосом ответила девушка.

– Скажи же, скажи! – настаивал юноша.

– Всё хорошо, не бойся, – прошептала она.

– Я дал обет, я молился, я подвергал себя очищениям. Я не могу не участвовать в этом походе, но я знаю, – прибавил он, после некоторой паузы, – что буду счастлив. Моя бабушка передаст тебе знак моей любви. О, возлюбленная моя! Смотри каждый вечер на большую звезду. Я буду тоже смотреть на неё. И тогда мы будем вместе созерцать её. Хотя мы будем в разлуке, но наши души будут вместе!

Луна поднялась из-за холмов, освещая своим холодным светом обоих влюблённых, которые стояли, охваченные любовной тоской, не смея приблизиться друг к другу. Воин заставил себя подняться на гору и даже не оглянулся, даже не помахал рукой девушке, а та поспешила домой. Ещё несколько минут тому назад она мечтала о том, как она осчастливит своего милого. Девушка рисовала в своих грёзах белую палатку, раскинутую на девственной лужайке, окружённой высокими горами. Тут же пасётся её лошадка, а она готовит еду для своего любимого. Его внезапный отъезд разрушил все её мечты.

– Он слишком храбр, ему не жить долго, – в каком-то смутном предчувствии прошептала она.

Несколько часов всё было тихо, но вот, как раз на рассвете, раздались военные песни: то воины вышли в поход. Татокала спозаранку был уже на месте сбора. С тяжёлым сердцем он отправлялся на врага. Он помнил, как опечалилась его милая, узнав о его внезапном отъезде. Его единственным утешением была пара мокасин, вышитая её руками. Он вез её в своём походном вьюке. Татокала не видел ещё их, так как прощальные подарки можно

было рассматривать только при всех в первый вечер похода, в свете лагерного костра. Это приносит воинам счастье – таково поверие. Он предпочёл бы скрыть от всех свою помолвку, но уже было поздно отступить.

В лагере загорелись костры, воины окончили вечернюю еду, и вестник возвестил о начале ночных развлечений. Татокала должен был первым открыть свой свёрток. Когда смущавшийся юноша вынул пару великолепно расшитых мокасин – обычное приношение любви, – раздался громкий смех. Татокала был новичком в любовных делах, и в таких случаях воины безжалостно подшучивали над неопытными юношами: ведь никто не мог сказать, что эти весёлые минуты когда-либо снова повторятся!

Страна Ютов находилась довольно далеко, и когда Лакоты достигли её, разгорелось жестокое сражение. Обе стороны бились не на жизнь, а на смерть, и у тех и у других был большой урон. Татокала проявил чудеса храбрости. Возвращаясь домой, он всё время видел перед собой прекрасный лик Талуты, и быстро поехал вперёд, желая скорее увидеть её. Он уже пересёк ручей Диких Коней. Чёрные Холмы возвышались к северо-востоку, а к северу громоздились вершины Большого Рога.

– Ну вот, теперь я настоящий мужчина, теперь я женюсь, – сказал он самому себе.

Наконец, он добрался до верхушки горы, с которой был виден лагерь, – но, увы! – от лагеря не осталось и следа... На зелёной равнине, которую почти замыкал крутой изгиб Реки Дремучих Лесов, сверкала своей белизной одинокая белая палатка. Необъяснимое беспокойство охватило сердце Татокалы, и он, пришпорив коня, пустил его в галоп.

Татокала понял, что означала эта одинокая палатка – это была могила.

У племён, живших в прериях, существовал обычай строить над покойником новую белую палатку. Тело клали в полном одеянии на особого рода помост и окружали самыми дорогими предметами домашнего обихода.

Когда Татокала подъехал к густому плетню, окружавшему палатку, его беспокойство ещё более возросло. Одиноко стояла палатка на покинутом месте лагеря. Татокала яростно понукал своего усталого коня. Наконец, он спешился и побежал к входу. На миг он остановился: при мысли, что он может осквернить могилу, по его телу пробежала дрожь.

– Нет, я должен её видеть, я должен! – громко сказал он и, в порыве отчаяния раздвинув усаженный шипами плетень, открыл вход в палатку.

* * *

В просторной белой палатке, служившей одновременно и памятником и усыпальницей, лежало прекрасное тело Талуты. Труп несколько не разложился, и девушка, одетая в праздничный наряд и окруженная домашней утварью была очень красива. Казалось, что она спит.

Громко плача, смотрел её возлюбленный на дорогое неподвижное лицо.

– О, если б я это знал, когда был у Ютов: тебе не пришлось бы одной идти в Страну Духов!

Затем Татокала вышел и встал возле палатки, исполненный скорби и печали. Его боевой конь пасся неподалёку и тихо заржал, желая обратить на себя внимание своего хозяина, так как ему уже стало скучно. Татокала очнулся от мрачного раздумья. Солнце стояло над западными холмами. У охваченного горем воина пересохло горло, пот градом лился по его щекам, но он весь горел страстным желанием ещё раз взглянуть на милое лицо своей возлюбленной.

Он развел небольшой костёр и сжёг несколько кедровых орехов и ароматной травы. Он окурил себя, чтобы не оскорбить духа Талуты своим человеческим запахом и получить от него знак. Он снял всю свою одежду, кроме набедренной повязки. Длинные волосы висели

распущенными прядями по его плечам, прикрывая верхнюю часть его стройного торса. Он стоял, напевая жалобную песнь, сочинённую в честь умершей. По временам он останавливался, со страхом прислушиваясь, не даёт ли дух о себе весточки. Но только волки прерий дико завывали ему в ответ. Через некоторое время он в изнеможении упал на землю и заснул. Во сне он услышал голос:

– Не печалься обо мне, друг мой! Войди в мою палатку и отведай от моей еды!

Татокала на миг затрепетал от страха, но затем смело вошёл в палатку. Посредине её весело трещал огонь. Перед Талутой стоял горшок с варёным бизоньим мясом. От него шёл вкусный запах, но Татокала не решался притронуться к еде.

– Не бойся, милый! – раздался голос. – Поешь, и тебе будет хорошо.

Девушка была совсем как живая. Богато разукрашенная, сидела она на своем ложе и была приветлива и добра.

Юноша ел молча, не поднимая глаз на духа.

– *Хо*, милая, – сказал он, по обычаю, возвращая посуду.

Несколько минут оба молчали. Татокала смотрел неподвижным взглядом на тлеющие угли.

– Будь добрым, – заговорила, наконец, Талута. – Ты встретишь моего духа-двойника. Она будет любить тебя так же, как любила тебя я, и ты привяжешься к ней так же, как привязался ко мне. Мы дали эту клятву прежде, чем появились на свет.

У Лакотов распространено представление о духе-двойнике.

– *Хо*, да! – серьёзно и с достоинством ответил воин.

Он чувствовал глубокое уважение к духу и не решался поднять на неё глаза.

– Не плачь, милый, не плачь, – нежным голосом проговорила Талута.

– В этот миг Татокала проснулся у палатки. Его члены затекли, ему было холодно, но он не чувствовал ни слабости, ни голода. Он набил свою трубку, предложил её священным силам и закурил сам. Потом, освеженный, с большой неохотой, он покинул священное место.

Остальные воины приехали к старому лагерю позднее и увидев палатку, воздвигнутую над могилой, не задерживаясь, отправились дальше. Они ехали по следам каравана и добрались до нового лагеря. Хотя у них были потери, но они считали себя победителями и оповестили об этом громкими песнями. Соплеменники выехали им навстречу, и в числе первых, встречавших воинов, был отец Татокалы. Он узнал, что его сын отличился в бою и что имя его не упоминалось среди имён павших героев.

– Но где же он? – не скрывая беспокойства, спросил старик.

– Он уехал от нас три дня тому назад. Он хотел опередить всех, – ответили ему.

– Но он не приходил ко мне! – в волнении воскликнул Вижи.

Старик вернулся в свою палатку и утешился, насколько мог, трубкой.

Солнце скрылось за холмами, а старик всё ещё сидел в своей палатке и неподвижно смотрел на тлеющие угли. Но что это? – Он услышал конский топот.

– *Хо*, отец! – раздался приветственный возглас.

– Сын мой! Сын мой! – отвечал старик, захлебываясь от радости.

Он побежал к входу в палатку и запел хвалебную песнь в честь сына, закончив её таким воинственным возгласом, какого он ни разу не издавал со времён свой юности.

И снова в лагере зазвучали победные песни, начались танцы, и Совет присудил Татокале право носить головной убор из орлиных перьев.

Когда Татокале сообщили об этой чести, он остался таким же спокойным и равнодушным, как и прежде.

– Вот чудак! – прошептали некоторые юноши, с завистью наблюдавшие всё происшедшее.

Татокала был совершенно подавлен. Только его старая бабушка знала причину его тоски. Он не принимал участия ни в одном празднестве, между тем как его семья, а в особенности старый Вижи, были на вершине блаженства.

Однажды, прохладным октябрьским утром, когда семья насыщалась варёным бизоним мясом, из палатки старейшин раздался троекратный бой большого барабана.

Старый Вижи отставил свою деревянную чашку.

– Ах, сын мой, вожди хотят о чем-то оповестить нас! Быть может, они снова созывают воинов. Ах, только бы не война! Я старею. Я так радовался твоим успехам на поле брани. Мне так приятно слышать твоё имя, произносимое с уважением. Если ты снова уйдёшь на войну, я уже не смогу принимать участия в празднествах. Чудится мне, что ты больше не вернешься.

Юные воины уже двинулись к палатке старейшин.

– Отец, – сказал, наконец, Татокала, – не подобает мне оставаться дома, когда другие уходят.

– Хо, – проговорил старик, глубоко вздохнув в знак согласия.

– Пятьсот воинов решили двинуться с пророком войны против трёх союзных племён, – с воодушевлением рассказывал, вернувшись домой, Татокала, и уже давно не видали его в таком приподнятом настроении.

С тех пор, как Татокала получил право носить убор из орлиных перьев, отец не жалел для него ни времени, ни скудных своих средств. Он обменял свои самые ценные вещи на орлиные перья и собственными руками сделал сыну этот убор.

– Впервые ты надеваешь украшение из орлиных перьев, – сказал старик, передавая его сыну. – Ты первый в нашей семье, после многих поколений, завоевал себе право носить его. Я горжусь тобой, сын мой!

– Хо, отец, – ответил Татокала. – Но это отличие обязывает меня к храбрости, – глубоко вздохнув, прибавил он.

– Вот этого-то я и боюсь, сын мой! Сколько юношей поплатились жизнью за своё тщеславие и желание показать свою смелость и отвагу!

Так как воины вскоре выступали в поход, то немедленно начались прощальные торжества. Верхом на своих любимых конях ездили они группами по внутреннему кольцу лагеря, распевая боевые песни. Весь народ высыпал из палаток и, сидя на корточках на земле, в лучших одеждах, внимательно наблюдал и слушал отъезжающих. Красивые девушки пользовались последним случаем повидать своих милых, – быть может, им никогда уже не придётся встретиться с ними. То там, то сям старик затягивал благодарственную песню, показывая этим, что в походе участвует новичок. Родственники новичков, перед их отправлением в поход, обыкновенно щедро одаривали бедных и стариков.

С наступлением ночи к звукам песен стали примешиваться незамысловатые мелодии флейты. Это означало прощание любящих. Юные воины, одетые в лучшие одежды, жалобно играли на флейтах у палаток своих возлюбленных. Около полуночи пятьсот воинов, цвет племени, двинулись в поход против заклятого врага. Татокала был в прекрасном настроении духа. Желая похвастаться перед врагами, он надел свой убор из орлиных перьев. Он сразу бросился в глаза, как один из самых выдающихся воинов своего племени. На него, вероятно, возложат какую-нибудь особо трудную задачу, и он может рассчитывать на новую славу, на новые отличия.

Через пять дней Лакоты разбили свой лагерь на расстоянии одного дня пути от постоянных поселений союзных племён Арикаров, Манданов и Хидатсов. Двум воинам: Татокале и Уамбли Чинче – Молодому Орлу – вождь племени приказал ночью отправиться к главному расположению врага и осмотреть его. Лакоты предполагали, что большинство неприятельских охотников находится уже на своих зимних квартирах и что, в таком случае, придётся

иметь дело с довольно многочисленным врагом. Воины предвкушали бой, который должен был воплести новые подвиги в старые боевые предания.

Оба воина быстро, как только могли, скакали к лагерю врага. Ночь благоприятствовала им: было полнолуние, и лишь изредка луна застилалась небольшими облаками, бросавшими на землю длинные тени.

Они довольно близко подъехали к деревне врага незамеченными. Здесь они спешили, припали к земле и стали внимательно наблюдать за неприятельскими воинами. Татокала предложил смелый план – пробраться во вражескую деревню и смешаться с толпой её обитателей. Оба Лакота внимательно прислушивались даже к взвизгиваниям и любовным возгласам врагов, ибо, кто знает, быть может и им, разведчикам, придётся подражать этим крикам.

Хотя в различных частях деревни проходили различные собрания, но враг был настороже. Жилища его были сделаны из брёвен и переплетённых прутьев, покрытых дёрном, и находились наполовину под землей. У землянок, стоявших с краю, были привязаны боевые кони – на случай внезапного нападения.

Как раз в тот момент, когда большое облако, заслонив луну, затенило почти весь лагерь, в одной из самых больших землянок раздались удары большого барабана. Разведчики, заметившие способ ношения одеял воинами вражеского племени, натянули на голову свои собственные и спокойно пошли на зов барабана.

Подойдя ближе, они внимательно осмотрелись, но никто не обращал на них никакого внимания, и они, успокоившись, подошли вместе с группой юношей к скрытой почти наполовину под землёй хижине и через отверстия в стене заглянули внутрь. В ней собралось много гостей. Среди приглашённых было много выдающихся воинов, и каждый из них хвастался своими подвигами против Лакотов. Татокала чуть не забылся и с трудом удерживался от желания всадить стрелу в того или иного храброго рассказчика.

Затем оба разведчика стали бродить по деревне. Высмотрев её положение, сосчитав, сколько в ней жилищ, и узнав всё, что им было надо, они старались улучшить удобный момент, чтобы скрыться незамеченными. У одной большой хижины они увидели группу юношей. Татокала, охваченный неожиданным любопытством, заглянул внутрь: с уст его сорвался слабый возглас удивления и он тотчас отшатнулся.

– Что случилось? – спросил его спутник, но не получил никакого ответа.

Это было, по-видимому, жилище вождя. Семья была занята обычными делами, и яркий свет очага освещал милое лицо девушки.

Застывший на месте Татокала дрожал, однако, как осиновый лист, под своим одеялом.

– Бежим, друг мой: большое облако опять накатывается на луну, – заторопил его Уамбли.

Но Татокала стоял по-прежнему в какой-то нерешительности. Вдруг он снова бросился к хижине и во второй раз заглянул в неё. Там сидела его возлюбленная, вновь принявшая человеческий образ! На ней было платье из оленьей кожи, расшитое блестящими зубами вапити. Скромно склонившаяся над своим вышиванием, она была полным подобием Талуты.

Татокала и Уамбли удалось незаметно скрыться из деревни, и они бросились к тому месту, где были спрятаны их кони. Татокала послал Уамбли вперёд и велел ему передать своим, что сам он остаётся возле деревни, чтобы высмотреть, с какой стороны будет удобнее всего произвести нападение.

Оставшись один, он стал думать, что ему делать. Он решил во что бы то ни стало до рассвета ещё раз увидеть девушку! Это было смелое предприятие! Но Татокала помнил свой разговор с духом Талуты и её слова об обещанной ему встрече с её двойником.

Он обогнул плетень и выбрал такое место, откуда ему был виден весь лагерь. К тому времени уже смолк бой большого барабана и весёлые крики развлекавшейся молодежи. Деревня, по-видимому, заснула. Луна ярко светила, и Татокала пошёл прямо к хижине девушки. С его приближением несколько собак залаяло, но Татокала сумел заставить их замолчать, сделав то же, что делают в подобных случаях сами Арикары. Татокала тихо приподнял одеяло, закрывавшее вход в землянку вождя. Он увидел в середине догорающий огонь, а вокруг него членов семьи, спокойно спавших на своих местах. Девушка спала напротив входа, на том же месте, где и сидела вечером.

Сильно билось сердце юноши. Быстро посмотрел он направо и налево, – всё было тихо и неподвижно. Тогда он надвинул себе одеяло на голову, как это принято у юношей, делающих предложение, и тихо вошёл в хижину.

Девушка прилежно вышивала весь вечер, а потом улеглась спать. Она видела во сне сестру-близнеца, которая уже являлась ей и раньше, в особенности перед какими-либо важными событиями в её жизни.

На этот раз она пришла с красивым юношей другого племени и сказала: «Сестра, я привела тебе Лакота. Пусть он будет твоим мужем!»

Спящая открыла глаза и увидела перед собой склонившегося юношу, который нежно тербил её платье, как это делает возлюбленный, желающий разбудить свою милую.

Увидев, что она проснулась, он дотронулся до её груди и сказал:

– Талута.

Затем он сказал ей знаками, что его зовут Татокала. Это понравилось девушке, так как её единственный брат, умерший в прошлом году, носил это имя. Она немедленно поднялась и разгребла пепел, так что засверкали яркие угли. Затем она стянула одеяло с лица Лакота. Он был похож на человека, который являлся ей во сне.

Он взял её за руку. В его пожатии она почувствовала всю силу его любви и поняла чего он хочет. Затем она коснулась к своей груди, сделала знак щита и произнесла на своем языке слово «стазу» – «щит». Он истолковал это как хорошее предзнаменование, и на языке жестов, понятном всем краснокожим, предложил ей стать его женой.

Девушка ясно помнила свой сон и не противилась. Их души нашли друг друга, и несколько минут они молча сидели рядом. Затем Татокала поднялся и сказал:

– Пойдем со мной!

И она молча вышла из отцовской хижины и ушла с ним в лес.

В разгаре славы, когда представлялся самый удобный случай удовлетворить свое честолюбие, храбрый Татокала исчез таинственным образом. Уамбли вернулся к своим из разведки с самыми благоприятными известиями. Он сообщил, что три союзных племени заняты торжествами и играми и что скоро приедет Татокала с дальнейшими сведениями относительно наиболее удобного места нападения на вражескую деревню.

Краснокожие воины нетерпеливо дожидались возвращения Татокалы до самого крайнего момента. Было уже слишком поздно, когда они бросились в атаку. Солнце уже взошло над холмами, и почти все мужчины вражеских племён уже вышли из хижин и палаток. Разгорелась яростная битва. Много раз Лакоты были отбиты, но каждый раз они снова собирали свои силы и бросались в атаку, нападая до самого захода солнца. С наступлением темноты они отступили с большим уроном. Если бы Татокала вернулся вовремя, они напали бы на врага на ранней заре, когда он ещё спал. После битвы Арикары, Манданы и Хидатсы стали собирать своих убитых. Жалобные стоны и плач раздавались во мраке ночи. И вот, в лагере стало известно, что исчезла прекрасная дочь вождя Арикаров. Предполагали, что её взяли в плен ранним утром, когда она водила на водопой своих коней. К скорби по поводу её утраты примешивалось беспокойство, что Лакоты могут оскорбить её честь, и юноши посылали по адресу врагов грозные проклятия. О, как хотелось им посчитаться за это с врагом!

Хотя Лакоты одержали некоторую победу, но она стоила жизни немалому числу храбрейших воинов, и никто не мог сказать, что стало с Татокалой, этим любимцем бога войны. Кое-кто заподозрил его в том, что он испугался трудности битвы и убежал, но это подозрение было отвергнуто. Наконец, стали говорить, что его, вероятно, узнали, когда он пришёл в деревню второй раз, и, конечно, убили. Вот почему враг был так настороже при нападении Лакотов.

– *Хе, хе, хе! Мичинкиши!* Ах, мой сын! – заплакал старик-отец, услышав эту весть.

Голова его низко склонилась на грудь, и все присутствовавшие громко вздыхали из сочувствия к нему.

Дивными красками сверкал закат. Ярко пылали костры в лагере в честь павших героев, но в некоторых семьях царили глубокое горе и скорбь. После ужина люди уселись возле своих палаток. И вдруг они увидели, что верхом на лошади к ним едет почти обнажённый высокий старик. Он выкрасил лицо чёрным, волосы его были коротко подстрижены, а конь его тоже был лишён пышной гривы и красивого хвоста.

Это был отец Татокалы. Хриплым голосом пел он жалобную песнь, отправляясь на поиски трупа своего сына.

Целых два дня лил, не переставая, дождь. Когда он начался, убежавшая парочка достигла уже одинокой горной долины в скалах Большого Рога, и Татокала наскоро построил шалаш из еловых и кедровых веток. Огонь пылал в хижине, и муж с женой сидели в своём первом жилище, сооружённом из зелёных веток. Ни один человеческий взор не достигал их, и они могли говорить о своей любви на понятном им обоим языке.

Дух благословил их брак, – так думали они и потому считали свой союз священным. Для них начиналась совершенно новая жизнь. Всё прежнее было забыто. Молодая женщина сидела в своей душистой хижине, и когда её глаза встречались с глазами мужа, они радостно вспыхивали.

– Вот такую жену я и хотел иметь, *кечува*, любимая, – сказал Лакот на своём языке.

Она отвечала ему детской улыбкой. Хотя она не понимала его, но по тону голоса чувствовала его счастье и любовь.

Муж поддерживал огонь, подбрасывая хворост, а Стазу готовила ему кусок бизоньего мяса.

Когда муж ушёл поить коней – они были спрятаны неподалёку от хижины, – Стазу вышла в лес и стала собирать дрова. Узкая долина лежала меж высоких гор, поросших кедррами.

Стазу стояла молча, охваченная каким-то благоговением, и с трудом отдавала себе отчёт в том, что она начала новую жизнь. Не было ни одной женщины, которая пожелала бы ей счастья или дала бы совет, – только птицы прилетали навестить её. Но для неё весь мир заключался в Татокале. Ни одна женщина не могла прельстить его, он не мог ни с кем разговаривать, и большой барабан старейшин не мог призвать его на войну. Стазу была очень довольна.

Когда юная жена приготовила всё к возвращению мужа, – она сделала даже несколько ведер и сосудов для воды из березовой коры, – дождь уже почти перестал. Она разложила перед хижинкой одеяло и уселась на него со своим рабочим мешком, в котором было несколько почти совсем вышитых голенищ для мокасин.

По временам Стазу отрывалась от работы и заходила в шалаш поворачивать вертел на огне. Много всяких мелких лесных животных подбегало к ней. Вдруг она испугалась звука чьих-то шагов. Она была ещё так недавно замужем, что пока не научилась распознавать походку мужа и, услышав шаги, одновременно испугалась и обрадовалась. Это мог быть муж, но мог быть и чужой. Она заставила себя поднять глаза, и её взор встретился с взглядом огромного серого медведя, севшего неподалёку от неё.

Стазу поразила неожиданность появления медведя, но она не испугалась. Отсутствие страха – лучшая защита от диких животных. Она быстро встала и бросила медведю большой кусок мяса.

– О, большой медведь, отведай моего свадебного угощения! Будь ко мне милостив и благослови мое первое жилище, – сказала она медведю. – Будь милостив и похвали меня за мой храбрый поступок – за то, что я вышла замуж за воина-Лакота, заклятого врага моего народа. Мой муж не может говорить на моем языке, не понимает его, и я хочу жить с вами, как с добрыми соседями. Предлагаю тебе свою дружбу!

В ответ на её мольбы медведь тихо ворчал, сожрал мясо и, неуклюже переваливаясь, убрался восвояси.

Тем временем Татокала внимательно изучил местность, высмотрел дичь и наиболее удобные пути к своему укромному шалашу. Он понимал, что ему нет возврата ни к собственному народу, ни к племени его жены. Его соратники никогда не простят ему бегства, а от Ари-каров нельзя было ожидать того, чтобы они приветствовали приход одного из самых выдающихся врагов. Не оставалось ничего другого, как жить вдаль, предоставив людям говорить и думать о нём всё, что им заблагорассудится.

Вернувшись домой, он застал Стазу сидящей перед шалашом и усердно занятой вышивкой. Она чувствовала себя такой счастливой и удовлетворённой вдаль от своего племени, но наедине со своим милым!

Ещё до наступления зимы Татокала обильно снабдил жену бизоньими шкурами. Она была большой искусницей во всех домашних женских работах.

Очень скоро рядом с зелёным шалашом выросла большая белая палатка из бизоньей кожи, выдубленной, скроенной, сшитой и поставленной трудолюбивыми руками Стазу. Внизу, у журчащего ручья, находилась её дубильня, а у палатки, на просторной солнечной лужайке, она делала заготовки сушёного мяса на зиму. Кухней для неё был костёр, разбитый в тени вечно-зелёного леса. С двух сторон лагеря возвышались высокие скалы, а вблизи шумел горный поток. То было укромное место, похожее на крепость, – тихий, но не заброшенный уголок.

Зима была длинная и холодная, но молодая чета была счастлива. Стазу училась языку мужа, а его учила своему. Татокала охотился и сторожил дом, а Стазу вела дружбу с лесными животными и кормила их. Татокала тоже не забывал на охоте о воронах, орлах и волках и оставлял им кое-где мясо, так что они сторожили его появление. По поведению этих животных он не раз узнавал, что где-то вблизи был разведён костёр; но это были лишь небольшие отряды, случайно проходившие по этим местам.

Опять пришло лето. Везде просыпалась молодая жизнь, и в шалаше юной четы в одно прекрасное утро появился мальчуган, завёрнутый в нежную мягкую замшу. Когда Татокала в это утро пошёл на охоту, он внимательно посмотрел на своё отражение в воде. Не изменился ли он со вчерашнего дня? Ему показалось, что с тех пор, как он стал отцом нового человека, его лицо должно приобрести более серьёзное выражение.

Его мысли обратились к родине. Как пестовала бы старуха-бабушка его ребёнка! Он смотрел на Чёрные Холмы, на землю Лакотов, и в его голове пронеслась мысль: «Я трус!»

Мальчик рос, не чувствуя недостатка в товарищах, так как его мать была неистощима на выдумку для него различных игр. А кроме того, она сумела завоевать доверие к нему животных. Он был юным вождём и героем Непроходимой Долины, как её называл Татокала. Малым ребёнком он часто бегал один по лугам. Родители нередко беспокоились о нём, но, с другой стороны, они надеялись, что он когда-нибудь станет «ваканом», то есть таинственным сверхъестественным существом, так как он черпал мощь и силу от своих товарищей по игре и от молчаливых сил природы.

Когда ему было лет пять, он как-то устроил танцы для своих любимцев неподалёку от своей хижины. Медведя-мату он нарядил великим знахарем в костюм своего отца, волка разрисовал, как воина, а молодого бизонёнка одел в платье матери. Сам же мальчик был вождём.

Мать смотрела на него со смешанным чувством гордости и заботы. Слёзы лились по её смуглым щекам, но, в то же время, она не могла не смеяться над забавными нарядами животных.

«Ах, не такую жизнь он должен был бы вести! – сказала она про себя. – Он должен был бы знать геройские подвиги моего народа. А как гордился бы им его дедушка!»

Когда вечером ребёнок лег спать, а мату, расположившись у входа в жилище, фыркал и прислушивался ко всем шорохам, родители в подавленном настроении молча сидели в палатке.

Наконец, Стазу заговорила:

– Супруг мой, ты хочешь знать причину моей печали. Боюсь я, что мы оскорбляем Великую Тайну тем, что даём мальчику расти в такой глуши. Нехорошо воспитывать его среди диких животных. И если болезнь или какая-нибудь другая случайность унесёт его отца или мать, наши духи никогда не найдут себе покоя за то, что мы оставим его одинокого на земле. Хочу просить тебя: вернёмся к твоему или моему народу. Ради его жизни и его счастья мы должны принести в жертву свою гордость, а, если понадобится, и жизнь.

Слова жены поразили Татокалу. Подумав, он ответил ей:

– Ты права: пусть будет так, как ты сказала. Вернёмся к твоему племени. Если я паду мёртвым от руки заклятых врагов Лакотов, я умру из любви к тебе и ребёнку. Я не могу вернуться к своему народу: боюсь, что молодые и недостойные люди высмеют меня за мою любовь к девушке Арикаров.

Татокала рассуждал совершенно правильно. Строгие обычаи его народа соблюдались почти так же, как религия, и ничто не могло так опозорить Лакота, как быть осмеянным товарищами-воинами. Он скорее перенесёт тяжкое наказание или смерть, чем насмешку.

В несколько дней они собрались, и все трое с печалью в сердце покинули своё жилище. Стазу и её муж ехали молча, медленно подвигаясь вперёд. Когда они добрались до Холма Рассвета и Стазу увидела с верхушки свою родину, из глаз её брызнули слёзы радости. Татокала сидел рядом с ней с опущенной головой и курил трубку.

Наконец, на пятый день они увидели перед собой большой посёлок трех союзных племён. Они смотрели на старые землянки, теснившиеся друг к другу у берега Миссури, меж колышущимися на ветру маисовыми полями. Татокала остановился.

– Жена, – сказал он, – дай мне поесть. (У Лакотов это означает: «Накорми меня в последний раз».)

Перекусив, Стазу открыла свой кожаный мешок и достала из него лучшую одежду мужа. Он оделся так, как одеваются Лакоты, и украсил себя всеми перьями, которые он имел право носить. Мальчика тоже нарядили, а жена его, Стазу, никогда и девушкой не была такой красивой, как теперь, в своей праздничной одежде, расшитой зубами оленя-вапити, той самой, в которой она была одета накануне своего бегства. Все трое смело ехали по отлогому склону. Жители деревни сейчас же увидели их. Вскоре равнина почернела от приближавшихся всадников. Стазу стала просить мужа остановиться, а сама с ребёнком хотела ехать вперёд и просить прощения. Татокала не согласился и сам поехал вперёд. Когда первые всадники Арикаров приблизились на расстояние выстрела из лука, они начали стрелять. Татокала, не обращая на них внимания, ехал дальше.

Но тут ребёнок заплакал от страха, а Стазу закричала:

– Не стреляйте. Я дочь вашего вождя!

– Её убили Лакоты, – ответил кто-то из всадников.

Но когда вожди узнали её, они испугались.

Сначала произошёл большой переполох. Одни говорили, что всех троих надо убить, так как женщина виновата в том, что предала свой народ, и никто не знает, каковы её намерения теперь. Кто поручится, что затем холмом не спрятались воины Лакотов?

– Нет, нет, – говорили другие, – они в нашей власти; пусть расскажут свою историю.

Стазу рассказала всё и закончила так:

– Этот человек, один из храбрейших и честнейших людей своего племени, убежал от своих накануне нападения только потому, что полюбил девушку племени Арикара. Теперь он пришёл к вам, чтобы быть вашим родственником. Он будет теперь воевать вместе с вами, даже против своих соплеменников. Он не просит жалости или сострадания, он может вынести всё, – но я женщина, у меня слабое сердце, и я прошу вас оставить жизнь моему мужу и моему сыну, внуку вашего вождя.

– Только трус посмеет тронуть этого человека! – воскликнул предводитель, и гул воинственных криков одобрительно встретил его слова.

Воины выстроились двумя длинными рядами, и один отряд в двадцать человек поехал впереди пришельцев, а второй, такой же числом, позади них. Престарелый вождь вышел им навстречу и, взяв за руку зятя, повел его. Так, в боевом порядке, вступили они в деревню. Сердца всех ликовали. Далеко разносились песни мира, а стрелы взлетали ввысь к облакам, чтобы достойным образом отпраздновать это удивительное событие.

БЕЗУМНЫЙ ПОСТУПОК БЕЛОГОЛОВОВОГО ОРЛА

– Много-много лет назад, когда я был ещё ребёнком, – рассказывал Нагиска – Белый Дух – почтенный старый вождь Лакотов из племени Янктонаев, вспыхнула жестокая война между нашим народом и племенами Арикаров и Манданов. Причина этого раздора весьма примечательна. О ней я и хочу поведать вам.

Старик отложил в сторону длинную трубку и уселся поудобнее.

«В те времена Янктонаи насчитывали около сорока родов. Мы держали много собак, и другие племена называли нас в насмешку *шункакчеками* – домашними псами. Мой отец был верховным вождём.

Зимний лагерь мы любили разбивать в лесистой местности неподалёку от устья Большой Реки и здесь, во время осенней охоты, мы часто встречались с Лакотами из клана Черноногих. На противоположном от нашего лагеря берегу реки стояла деревня Арикаров и Манданов, состоявшая из хижин, наполовину врытых в землю. Уже больше ста лет назад они развели большие огороды, и мы покупали у них маис, бобы и тыквы. Время от времени наше племя заключало с ними мирные договоры. Каждая семья Арикаров владела одной или двумя лодками из бизоньей кожи. Эти лодки были не круглые, как у Лакотов, а в две или три кожи длиной. В них они привозили нам сушеные бобы и другие овощи, которые меняли у нас на вяленое бизонье мясо.

Урожаи были богатые, и мы устраивали совместно различные празднества и торжества. В то время, как старики занимались меновой торговлей, молодые воины Лакотов и Арикаров ухаживали за девушками обоих племён.

У моего отца был младший брат Ичапсинте Танка – Длинный Кнут. После того события, о котором я хочу вам рассказать, его уже не называли иначе как Аноказан, то есть Белоголовый Орёл. У него был юноша-товарищ. Оба они были отважны и честолюбивы.

Однажды вечером, на закате, Ичапсинте стоял со своим другом на берегу. У одного был полный колчан стрел, а у другого под одеялом – ружьё. Почти все жители землянок, расположенных на другом берегу, уже вернулись домой, а вождь Аноказан с женой сели в лодку последними, уже в сумерках. Оба Лакота смотрели на них.

И вдруг Ичапсинте воскликнул:

– Друг мой, давай убьём вождя!

– Давай, – ответил ему тот, – я помогу тебе, я готов умереть с тобой.

Аноказан в ту же минуту выхватил ружьё и сразил вождя наповал. С того дня он и стал носить его имя. Старик упал навзничь в лодке, а его жена, с плачем и криком, повезла его в лодке домой. Другой юноша пустил несколько стрел в старуху, но она осталась невредимой и благополучно добралась до другого берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.